

Екатерина I.

Итак, Петр в могиле. Уже прозвучала над его гробом пышная речь „Что видим, что делаем — Петра Великого погребаем!“ Хотя Феофан Прокопович в этой знаменитой проповеди при погребении Петра и заявил гордо, что „сей преобразователь умер, но дух свой нам оставил“, но с первого же дня смерти Петра валится, гибнет и распадается все, что сумел построить огромный и могучий, при всех своих недостатках, Петр. Петр содрал с русских бояр старые кафтаны и охаби, но новой души силой не сделать и к новому немецкому платью они привыкнуть не успели. Был разрушен старый уклад жизни, но нового быта еще не было. Разрушена оказалась старая правда, высмеяны и опозорены бывшие устои, но не выросли еще на российской почве европейские ростки, и еще более грустной и унылой кажется ныне широкая русская равнина.

Ближайшие к Петру люди но являлись деятелями, а только личными слугами Петра. Умер хозяин, умевший держать их в руках и поколачивавший их дубинкой, и прахом пошло, рассеялось долгими годами палаживаемое хозяйство.

Казюкрод Меньшиков, сухопутный адмирал граф Апраксин, буйный Ягужинский, за альковные услуги, оказываемые Петру, назначенный на должность генерал-прокурора сената, все эти люди сразу же по смерти Петра перессорились между собой, передрались, и, по выражению В. О. Ключевского, „начали дурачиться над Россией“.

Петр, как известно, отменил порядок престолонаследия и установил личную волю царя вместо закона. Царь по собственному произволу должен назначать себе заместит-

теля, — повелев Петр, но сам-то он только и успел убить сына Алексея, но иного заместителя себе так и не назначил.

Тяжелы были последние годы жизни Петра. Он, как будто, ясно чувствовал, что все дело его жизни идет прахом, что строил он все годы своей жизни здание на песке, что продолжателем у него нет и быть не может, и как будто от этого махнул рукой и так и не указал, кому должен перейти трон после его смерти.

Меньше всего мог он желать перехода царской власти в руки Екатерины. Он, правда, очень ценил прежде ее таланты жены, заботливой о белье мужа, умеющей создать ему уют и ласку. Но даже и прежде, все годы, как и Екатерина неотлучно проводила около него, в качестве адъютанта для хозяйственных и еще любовных поручений, он сознавал, что от этой бабы ждать понимания не приходится.

За последние годы жизни Петр, как мы видели, убедился еще и в том, что эта баба продала и предала его, что она изменяла ему с его лакеем Вильямом Монсом.

Петр не считал возможным устроить скандал на всю Европу, казнить после сына еще и жену, отрубить голову, на которую не так давно была по его приказу возложена царская корона. Придумав мучительнейшую казнь для Вильяма Монса, любовника Екатерины, Петр ограничился тем, что голову казненного поместил в спальне Екатерины. Он знал цену этой бабе. Но как будто в пасмешку над волей Петра, именно эта-то баба, ничего не понимавшая в государственных делах, эта злая изменница и предательница, захватила в свои руки власть над Россией.

Когда в ночь на 28 января 1725-го года Петр лежал в агонии, сенаторы и важнейшие сановники собрались во дворце для совещания о наследнике престола. Но срок пропущен. Поздно! Когда они обратились к Петру, чтобы узнать его предсмертную волю, уже лишившийся языка император успел написать холодеющей рукой только два слова: „Отдайте все...“ Третье слово осталось неписанным. Кому отдать, — так и осталось неизвестным.

В виду казни Алексея, единственным мужчиной в роде остался сын казненного, великий князь Петр. Именно его

и считали законным наследником князя Голицыны. Долгорукие и др. уцелевшие при дворе представители старой родовой знати. Новые люди, Меншиковы, Толстые, и прочие всеми силами воспротивились этому выбору, мобилизовали все силы против этой кандидатуры. Все эти новые люди были прикосновенны к комодии суда и к убийству Алексея, на их руках кровь замученного. Допустят ли они, чтобы сын этого Алексея оказался на престоле и отомстил виновным в гибели его отца?

Дочери Петра, Анна и Елисавета, родились, как известно, еще до свадьбы Петра, это дочери „портомой“, а не императрицы, и их права отвергались ссылкой на незаконно-рожденность.

Пока сенаторы и сановники обсуждают положение, в углу зала каким-то образом оказываются офицеры гвардии. „Подобно хору античной драмы“, они не принимают никакого участия в разворачивающейся на сцене пьесе. Они только размышляют и вслух выражают свои суждения о ходе совещания. Они, конечно, не при чем. Пусть государственные люди решают, но с своей стороны, они заявляют, что они разобьют головы всем, кто осмелится пойти против матушки Екатерины. Этих офицеров гвардии, этот „хор античной трагедии“, по меткому слову Ключевского, привели в залу Меншиков и Толстой. Они понимали, что голос гвардии, голос оружия, представляет собой единственный убедительный аргумент, и заблаговременно сумели подкупить и подкупить кого надо из своих людей в гвардии.

Анна беда начало! Отныне целый ряд восшествий на престол будет зависеть только и исключительно от воли этих новых преторианцев. Именно, гвардейцы будут извергать с престола и возводить на престол. — Сила оружия властно вмешается в игру страстей вокруг трона. Женское царство, царство любовников, царство „гвардейской правительственности“, царство героев данной ночи — надолго захватит неограниченную власть над безмолвствующей Россией. Екатерина I, Анна Иоанновна, Елисавета Петровна, Екатерина II, — все эти женские царствования возникают и существуют путем откровенной замены „произволения Божия“

произволением гвардии, поставляющей все новых и новых, свежих любовников. Мы увидим впоследствии, что дело настолько усовершенствовалось, что для получения звания государственного любовника нужно было выдерживать особого рода экзамен, тщательно обставленный, производившийся со всей серьезностью и компетентностью особыми „пробир-дамами“ при троне.

В этот день восшествия на престол Екатерины I — перед нами первый блестящий опыт такого рода. Как и следовало ожидать, слова, какие произнесла хор античной трагедии, наряженный в гвардейские мундари, были услышаны. Малолетний внук Петра или его дочери — вот рамки вопроса. Меньше всего прав на престолонаследие было у Екатерины, но гвардию уже убедили, что Екатерина была не просто женой Петра, а „походной женой“, „женой-солдаткой“ — Это папа!

Еще длится торжественное заседание седых сенаторов во дворце, но с площади раздается барабанный бой. Преображенский и Семеновский полки, неизвестно кем вызванные из казарм, оказывается, уже с ружьями стоят в полной боевой готовности.

— Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал? — хорохорится князь Ренни.

Но ловкий Бутурлин, давно уже перемигнувшийся и стоивший с Меньшиковым и Толстым, с усмешкой отвечает:

— Полки призвал я, Бутурлин. И призвал я их по воле императрицы Екатерины, которой все подданные, не исключая и тебя, обязаны повиноваться.

После этих слов совещание закончилось быстро. У Меньшикова старая любовная связь с Екатериной, а Меньшиков — является генерал-сисмусом и начальником гвардии. Вид гвардейских полков под окнами, звуки барабанов были гораздо убедительнее юридических доказательств, и без малейших пререканий вопрос был немедленно решен. Это решение, по анализу В. О. Ключевского, является „живой отменой“ изданного Петром 5-го февраля 1722 года закона о престолонаследии. Но, именно, на этот закон 5-го февраля ссылается сенат, объявляя в особом манифесте как от

вмени своего, так и от имени синода и генералитета, о воцарении Екатерины.

Потратившая все силы на достижение звания жены императора, Екатерина, проявившая в долгие годы своего пути от позиции солдатской прачки к трону совершенно исключительную, неискаемую, казалось, энергию и самоотверженность, Екатерина, оказавшись императрицей, переродилась в один миг. Она не хочет и на миг притвориться грустной вдовой. Она желает воссилься, не теряя ни одного дня, ни одного часа.

Еще не прошло и трех недель со дня похорон Петра Великого, как вот уже поздно ночью Петербург разбудят страшным набатом, пушечными выстрелами.

В чем дело? Набег иностранных завоевателей? Страшный ли пожар вспыхнул в Петербурге? Нет! Это неутешная вдова только-что умершего Петра Великого, ее императорское величество самодержавная государыня всея России Екатерина I изволила всемилостивейше подшутить над столицей по случаю 1-го апреля.

Сразу же после того, как правительствующий сенат объявил во всенародное сведение, что, по воле Петра, на престол взошла Екатерина, дабы все о том ведали и ей, самодержице всероссийской, верпо служили, Екатерина начинает всеми мерами ласкать гвардию. На смотрах она из собственных рук угощает вином гвардейских офицеров. Целый ряд правительственных сообщений сообщает о новых и новых работах императрицы о гвардии. Солдатская жена хорошо помнит о том, от кого зависит ее царственная сила.

Под таким прикрытием можно спать спокойно. Екатерина даже для вида не желает заниматься делами государственноими. Все отдано в руки Меншикова. Идет суровый расправ с врагами и недругами временщика.

Екатерина I процарствовала недолго, около двух лет. Все эти два года длится сплошной пир, непрерывная оргия. Когда по утрам Меншиков входил в спальню императрицы с очередным вопросом: „Ну, ваше величество, что мы пьем сегодня?“ — она требовала крепкого венгер-

ского вина, закусывала его бубликами, а только затем переходила к очищенной. Секретарь саксонского посланника Фрездорф в докладе своему королю сообщает о новой императрице, что „она вечно пьяна, вечно пошатывается, вечно в бессознательном состоянии“.

Читать и писать Екатерина до конца своей жизни так и не научилась. Меншиков сам подписывает за нее все высочайшие указы. Когда Меншикову неудобно, Екатерина поручает подписываться за нее дочерям. В это вот время всплывают на вершины и многочисленные деревенские родичи Екатерины и новые фавориты, создающие новую знать в России.

Пред нами в некотором роде таинство: зарождение аристократии. Уже при Петре Великом мы видели, как гомосексуальные склонности царя в срочном порядке превращали мальчишку, торгующего пирогами, Меншикова — в светлейшего князя.

Еще ярче, еще определеннее этот процесс создания аристократии проявляет себя в эпоху женских царствований, какую так характерно открывает Екатерина I.

Романовы были дворянскими царями, и всмотреться в то, как зарождается аристократия у подножия трона, необходимо особенно внимательно. Без этого не понять, каким образом продержалась триста лет эта глубоко бездарная, трагически неспособная семья.

Роль дворянства так часто извращается, переоценивается еще и в наши дни лирических сожалений о былой, дворянской культуре.

Дворянская культура, тургеневские девушки, очарование подлинного барства, истинного аристократизма... Была на Руси подлинная аристократия, а теперь? Смотрите, как густо прет чумазы!

Но то, что называется аристократией — это, раньше всего, дело наживное.

Мы видели, как возник „из праха“ род Меншиковых. В свое время сиротливый князь Меншиков не только мальчишкой, но уже и на возрасте, как известно, бегал по улицам с лотком, продавал пироги „о луком, перцем и

ним сердцем". Вознесенный Петром Великим на вершине ступени, как скоро забыл этот слятельный князь свое демократическое происхождение!

Когда Меньшиков уже после смерти Петра оказался на высоте, провозгласил себя генералиссимусом и выдал сам себе всевозможные чины и ордена, — он неожиданно сам стал считать себя подлинным аристократом.

Когда королевский дом Ангальт-Дессауский обратился к нему, с предложением выдать его дочь за наследного принца, Меньшиков отвечает категорическим отказом. По его сведениям, в династии Ангальт-Дессауской был случай женитьбы одного из членов этой династии на дочери простого аптекаря. Светлейший князь Меньшиков с такого рода парвеню родниться не может! Ему, продававшему на улицах пироги с лотка, неуместно соглашаться на такое сомнительное родство.

Быть может, однако, пример Меньшикова — это только случайное и каррикатурное исключение? Но примеров такого рода в истории русской аристократии не оберешься.

Но будем говорить о тех чрезвычайно многочисленных родах аристократии, которые возвысились благодаря тому, что Екатерина, Елизавета и другие женщины на троне очень ценили так называемую „гвардейскую правоспособность“, и раздавали солдатам, коюхам, певчим и т. п., которые имели удовольствие им понравиться, графские и княжеские звания, сотни тысяч крепостных, огромные поместья, вотчины и состояния. Ограничимся более спокойным примером.

Когда в свое время Петр Великий приближал к себе Екатерину, бывшую прачку, „солдатскую женку“, мы знаем, как случайно и неожиданно открылась целая серия новых аристократов, родственников царицы.

Один из самовников того времени, посланный в Ригу, по пути торюя ямщика, как полагалось, дал ему в зубы. Дело было больше, чем естественное, но ямщик неожиданно обделся: „Меня бить нельзя, я царю родственником довожусь“.

Началось следствие, с дыбой и кнутом. О деле довели до сведения Петра, и скоро выяснилось, что ямщик говорит

правду. Нашли целую толпу родственников, родных братьев и сестер императрицы. Был здесь кроме ямщика, Иоганна, и какой-то огородник, и сапожник, и землекоп, и какая-то проститутка. Проститутку, по приказу Петра, немедленно спрятали в тюрьму, остальных вызвали в Петербург. Царь дал им тайную аудиенцию обошелся с ними милостиво, обещал им небольшую пенсию и поставил условие, чтобы о них „ни слуху, ни духу не было“. Живи у себя в деревне и не дыши.

Но вот Петр умер, Екатерина, с помощью гвардии, захватила престол, и всех этих родичей, конюхов и сапожников, немедленно выписали в Петербург. Им дали чины, богатые поместья и крепостных; дали уж кстати и новые фамилии. Один брат стал называться — графом Гендриковым, другой — графом Скавронским, третий — графом Еримовским.

И вот всматриваешься: до чего скоро почувствовал себя и впрямь подлинными аристократами эти недавно сапожники и землекопы.

Уже через несколько лет оказывается, что граф Скавронский прозирает все русское, любит только французские нравы и еще итальянскую оперу. Его крепостные обязаны говорить с ним не иначе, как параспев! У него свой театр, на котором крепостные девки изображают фео Армиду, и граф не брезгает тем, чтобы во время представления, забравшись на сцену, собственноручно проучить вранником премьершу; остальных трех балерин, не угодивших его светлости, отправляют на конюшню.

Еще эффектнее ведет себя другой появившийся аристократ, граф Гендриков, не сапожник, а землекоп. Во время его въезда на охоту, свора гончих, состоящая из 420 собак, перегрызла крестьянских овец; и вот, обиженные крестьяне, отгоняя собак, осмелились убить двух из них. Его светлость, граф Гендриков возмущен. По его приказу, провинившуюся деревню поджигают со всех четырех концов. Когда оказывается, что на пожарище еще остались кое-где пеньки, возле которых толпятся обездоленные и плачущие мужики, граф Гендриков предписывает на утро присла

500 человек, которые бы перепахали всю площадь деревни. Чтоб и следа не оставалось!

Дело сделано. Обездолжные крестьяне пытаются жаловаться воеводе, но воевода жалобы не принимает. Дурак он, что ли, из-за каких-то крестьян ссориться с аристократом! Крестьяне тычутся со своей жалобой от одного начальства к другому, но слушать их никто не желает. Тогда крестьяне посылают свою жалобу в Петербург. Пусть царица рассудит.

Царица и вправду рассудила: встретившись с графом Гендриковым на балу, императрица изволила погрозить ему пальчиком и сказать: „Эй, Генрих, не шали“. Тем дело и кончилось.

Дело здесь вовсе не в жестокости. Русская история помнит дворянку Салтычиху; успешную одиночно умертвить истязаниями 139 крепостных. В области жестокостей удивить чем-либо было бы трудно. Дело в том, до чего легко и быстро, до чего скоропалительно начинают себя чувствовать подавленными, всамделишными аристократами, „белой костью“ и „голубой кровью“, вчера еще торговавший пирогами Меньшиков, вчерашний земледелец Гендриков, вчерашний сапожник Скавронский.

Судьбы дворянства за время царствования дворянской династии Романовых исключительны и по своему символичны.

Часто указывают на то странное отсутствие благородства, какое проявили дворяне российские, когда последнего дворянского Николая II свергали с престола. Так-таки и не нашлось ни одного рыцаря, никого, по-настоящему преданного своему монарху! Только один охранник Зубатов покончил с собой от тоски по низвергнутому царю.

Увы, картина, какую мы наблюдали при восшествии Романовых, была еще печальнее. Целый ряд виднейших боярских родов, как мы видели, успел передаться польскому королевичу Владиславу, другие присягали шведскому королевичу Карлу-Филиппу, третьи, среди которых был Скопин-Шуйский, призывали Габсбургов. Так вели себя, именно, самые старые и родовитые бояре. Что уж и гово-

рять о тех, которые путем подкупов и взяток добивались престола русского для себя, или о мало-заметных выскочках того времени Романовых („Кошенин род“), чей представитель, малолетний неграмотный Михаил, добился избрания потому, что „искали царя не способнейшего, но удобнейшего“.

Отдельная эпоха не может дать представления в полной мере о судьбах дворянства и аристократии русской под крылом Романовых. Но вот, напр., пред нами судьба целого рода, яркая и характерная, судьба князей Голицыных.

Летописи дают нам одного Голицына, который уже во время избрания на царство Романовых сильно интриговал, раздавал много денег, чтобы самому оказаться на престоле. „Номер не прошел“. Пропали денежки задаром.

Вот еще один Голицын, Василий Васильевич, любовник царицы Софьи. Это — один из образованнейших людей своего времени. Он, как мы видели, блестяще говорит и пишет по-латыни. У него огромная библиотека. Он, — о ужас! — мечтает даже об освобождении крестьян с землею и делится своими планами этого рода с царицей Софьей. Правда, этот образованнейший человек почувствовал суеверий и даже пытался какого-то крестьянина за то, что тот „напустил на него дурной глаз“. Через несколько лет после воцарения Петра самого В. Голицына станут пытать по такому же делу: за то, что он „приворотными зельями“ любви царицы добивался.

А вот и еще один Голицын. Этот старый шут и скоучерок выдвинется в царствование Анны Иоанновны. Ему 61 год, но его по высочайшему повелению разводят с женой и женят на старой шутихе, калмычке Бужениновой. Свадьба происходит в Ледяном Доме, сопровождается целым рядом непристойных забав, и, когда молодых укладывают в ледяной комнате на ледяное ложе, к ним представляют особую стражу. Пьяная потеха требует, чтобы они вели себя всепародно так, „как полагается“ вести себя молодым, чтобы до утра не смели слезать со своего ледяного ложа.

От этого шутовского брака родились и в летописи дома Голицыных зачислены два сына, князь Андрей и князь

Алексей. После смерти старой шутки князь умудряется, впрочем, жениться снова, в четвертый раз, и новые побегы появляются на генеалогическом древе князей Голицыных.

И вот, наконец, еще один князь Голицын, это — эмигрант, живущий в настоящее время в Париже. Я привожу как-то на страницах „Накануне“ то письмо, с которым этот князь обратился к мужикам, живущим в его бывшем имении в Калужской губернии. „Грабьте, подлцы, все мое добро, грабьте. Только липовой алеей не трогайте, которая моими предками посажена. На этих липах я вас, мерзавцев, вешать буду, когда вскоре в Россию вернусь“.

Прочли мужики письмо в волюсполкоме, посмеялись в бороды и отнесли письмо князя в местный музей революции. Так и лежит это письмо последнего представителя рода Голицыных, дожидаясь будущего историка.

Нужно ли оставаться и еще на одном Голицыне в имешной эмиграции? „Цыганский хор под управлением князя Голицына“ в каком-то берлинском кабаке „Альказар“ ярко венчает собой столетиями строившееся здание

Странными, путанными путями шла история России. Странными и путанными оказываются пути аристократии русской.

— Ах, дворянская культура, ах, тургеневские девушки, ах, былая аристократическая красота!

Не выдумали ли, не изобрели ли мы многое в этой, на кагайке и бездельничестве взрощенной, дворянской красоте?

Аристократия в России доселе и вовсе не было. Были царские дворовые, были маленькие царьки-помещики.

Аристократия предполагает независимость и связанное с этим чувство собственного достоинства, воспитанное веками. Ничего подобного русское дворянство не знало. Неслучайно с древних времен, именовали они себя царскими, „твоего царского величества рабы“.

Те, кто назывались аристократами, всегда ждали батожья, вырванных поздрей, всенародного наказания кнутом и лютых пыток, и, сами битые, еще беспощаднее избивали своих крепостных, мочили их на борзых щенков. Они не знали

уважения к себе и от этого не знали уважения к другим. Подлинной аристократии еще не было и быть не могло.

Крыловские гуси гордились тем, что их предки Рим спасли. В данном случае нет и этого утешения. Предки в огромном большинстве случаев не спасали, а только губили Рим. И в рошительную минуту, когда рухнул и повалился весь в основе своей гнилой уклад дворянского быта, у русской аристократии не оказалось никого, кроме барона Врангеля, как у русской интеллигенции не оказалось никого, кроме Керенского.

Пусть, кто хочет, жалеет о былом и прошлом, о дворянской культуре и дворянских гнездах. Прет что-то новое густое, крепкое, и подлинно жизнеспособное. Я вижу, я чувствую, я осязаю, как идет новая, иная интеллигенция, новая, иная аристократия. Переместились позиции, изменилась психика, порождается душа. Где он, сутулый, хилый, нерешительный и прекрасодушный близорукий интеллигент российский? Где она — бывшая, так изумительно влюбленная в себя, аристократия, столько лет хваставшая какой-то особой „дворянской культурой“.

Впрочем, Екатерина, вслед за Петром, только начинает серию заготовления новых кадров аристократии российской.

При Екатерине I пред нами лишь „цветочки“ системы фаворитизма; „ягодки“, как мы увидим, появятся уже при Елизавете, Анне Иоанновне, и Екатерине II.

Говорить о Екатерине I, как о царице, как о личности, как о правительнице государства Российского, не приходится. Ничего, кроме бурного разврата с фесрически быстрой сменой очередных героев, не отражают документы эпохи. „Это омут интриг, кабалы, и дебошей“, пишет саксонский посланник Лефорт, в недавнем прошлом приближенный Петра; „только роскошь и бесхарактерность, лень и равнодушие видны тут во всем“.

Единственное, о чем успела было задуматься Екатерина I в эти угарные, оголтелые, беспробудно пьяные два года своего царствования, — это вопрос о престолонаследии. Из 11-ти детей, какие были у нее, в живых остались только две дочери — Анна и Елизавета, так называемые поварские

дочери - (в те годы, 1708 и 1709, когда обе эти дочери родились, Екатерина, чтобы узаконить ее положение при дворе, была выдана замуж за лейб-повара, служившего при Петре). Анна Петровна в свое время, выходя замуж за герцога Курляндского, в брачном договоре под присягой отказалась за себя и за свое потомство от русского престола. Естественной наследницей уже и после смерти Петра была Елизавета. Ей-то и собиралась передать после себя престол Екатерина, но Меншиков смотрел на это дело иначе. Он изменит своей партии, умудрится подружиться с малолетним Петром, но его же собственным настоянием в свое время отстраненным от престола, и теперь подготавливает гвардию к необходимости иметь на престоле именно мужчину. Смерть императрицы — только смена маски для Меншикова, подлинного самодержца всероссийского.

Вместо старой и пьяной жепщицы, Екатерины I, на трон призван Меншиковым малолетний Петр II.

Что принесет с собой в русскую историю этот тапично-дефективный ребенок?